ВОСПОМИНАНІЯ

прихожанъ Петропавловской г. Смоленска церкви

о 1812 годѣ.

(Докладъ дѣйств. члена Смол. Учен. Архивной Комиссіи свящ. П. С. Цвѣткова, читанный на Общемъ Собраніи ея 12 декабря 1911 года).

Бываютъ событія, о которыхъ народы помнятъ вѣка. Къ числу таковыхъ нужно отнести и событія 1812 года. Воспоминанія о нихъ и доселѣ живы и близки сердцу смолянъ, особенно тѣхъ, дѣды которыхъ сами пережили всѣ невзгоды „разоренья", какъ мѣтко охарактеризовалъ русскій народъ эту эпоху. Стоитъ только напомнить въ такомъ домѣ о 1812 годѣ—и польются разсказы. Бывая въ домахъ своихъ прихожанъ, я нарочно заводилъ рѣчь объ этомъ времени; придя домой, а иногда и тамъ же, записывалъ характерные разсказы, которыми и подѣлюсь съ членами Комиссіи. Замѣтки свои я старался расположить хронологически.

Какъ это ни странно, но память моихъ прихожанъ не сохранила воспоминаній о событіяхъ, предшествовавшихъ 6 августа. Впрочемъ, и въ XX вѣкѣ мы, петропавловцы, живемъ своими интересами: ни міровыми событіями, ни городскими мы не занимаемся. Нашъ посадъ получаетъ—я говорю о коренномъ населеніи его—и теперь едва 5—6 газетъ: у насъ еще люди замѣняютъ газету; нашъ клубъ—торговая площадь для мужчинъ и водоразборная будка—для женщинъ.

Лишь одно событіе, несомнѣнно предшествовавшее августовскимъ днямъ, сохранилось въ памяти. „Передъ войной пріѣзжалъ сюда Платовъ и кликнулъ кличъ: „Кто здѣсь наши (т. е. донцы)?“ И вышли мои пять дядей и пошли съ нимъ. А вернулся съ войны только одинъ“. Такъ разсказывалъ мнѣ 6 августа 1907 года смоленскій мѣщанинъ Андрей Ѳеодоровичъ Янченковъ [1]), упомянувъ, что ихъ родъ съ Дона. О принадлежности своей къ казачьему сословію говорилъ мнѣ и покойный Евфимъ Матвѣевичъ Масловъ, домовладѣлецъ Верхне-Донской улицы [2]). Судя по воспоминаніямъ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій [3]), переселенія съ Дона въ Смоленскъ и Смоленскій край были сдѣланы Алексѣемъ Михайловичемъ и особенно Петромъ I-мъ, разряжавшимъ „тихій“ Донъ.

Августовскія событія 1812 года застигли моихъ прихожанъ врасплохъ. „Такъ же, какъ и сегодня—разсказывалъ мнѣ 6 авг. 1907 года тотъ же Янченковъ со словъ отца, современника событій,—въ нашей церкви служили раннюю обѣдню, освящали яблоки. А въ тотъ годъ ихъ было множество. Только сѣли за пирогъ, скачутъ казаки: „Уходите скорѣй вонъ изъ города—за нами идутъ французы!“ Подхватили худобу, да и маршъ на Покровскую гору. Хватилась тамъ матушка, анъ ребешку дома въ люлькѣ забыли! Работникъ нашъ былъ человѣкъ смѣлый: гдѣ ползкомъ, гдѣ низкомъ добрался до дому и принесъ младенца“.

О поспѣшномъ выходѣ со словъ дѣда разсказывалъ мнѣ и Аѳанасій Стефановичъ Кореневскій. „Все бросили: и готовыя кожи на чердакѣ, и сырыя въ чанахъ. Даже позавтракать казаки не дали—такъ ботвинье на столѣ и осталось. Ребенка забыли спавшаго въ люлькѣ: а ему ужъ года 2—3 было. За нимъ приходили съ Покровской горы. А богатства-то сколько было! Были такія платья, что одѣвались только къ вѣнцу, да къ причастію: кокошники были всѣ въ дорогихъ камняхъ. А пришли домой (уходили наши

[1]) Умеръ А. Ѳ. Янченковъ 84—86 лѣтъ, въ годъ „великаго половодья“ (наша петропавловская эра)—1908. Онъ видомъ выдѣлялся отъ сосѣдей: громаднаго росту, крѣпчайшаго тѣлосложенія, въ молодости онъ гнулъ лошадиныя подковы. До послѣднихъ дней самъ работалъ на своемъ кожевенномъ заводѣ. Владѣлъ солиднымъ состояніемъ, но жилъ просто.

[2]) Умеръ Масловъ года два—три тому назадъ, 96 лѣтъ.

[3] Майдановичей, напримѣръ, жившихъ около с. Батурина, Бѣльскаго уѣзда Смол. губ.

за Духовщину)—и мѣста своего никто не найдетъ: стоятъ только обгорѣлыя печи, Взяли старики шестъ и давай мѣрить. Даютъ Ломакѣ (Ломачевскому) три шеста, а онъ говоритъ: „На что мнѣ столько? Платить много будешь!“ Всѣ и взяли по стольку, что нынче съ трудомъ и строиться можно“. Но деньги, иконы были спрятаны. Прибѣгли къ старо-русскому способу: иконы закопали на огородахъ въ землю, а деньги—подъ собственную печь, или—къ помѣщику Давыдову [1]). „Деньги-то были—разсказывалъ мнѣ Григорій Андреевичъ Глинковъ—больше мѣдныя. Набиралось ихъ къ осени для закупокъ у торговыхъ людей множество. Гдѣ съ ними возиться? Положили на коня, что понужнѣе, а деньги дѣдъ зарылъ съ работникомъ подъ печь. Пріѣхали послѣ разоренья; съ трудомъ отыскали свое пепелище, да подъ печь: анъ тамъ и нѣтъ ничего! А работникъ скоро отошелъ отъ насъ, да и зажилъ собственнымъ домкомъ“.

Бывали случаи, что второпяхъ и мѣсто, гдѣ скрыты были иконы, забывали. Это случилось съ причтомъ Петропавловской церкви. Особо чтимую икону Михаила Архангела, въ сажень высоты, скрыли въ 1812 году на церковномъ огородѣ; но нашли ее лѣтъ черезъ 20, и то случайно. Та же исторія случилась и съ семейной иконой Кореневскихъ: она значительное время пробыла въ землѣ, и находка ея считалась чудомъ. Предъ этой иконой ежегодно и донынѣ Кореневскіе служатъ 7 ноября всенощное бдѣніе. Икона почти квадратная, до 1½ арш. высоты и ширины; изображенъ на ней Архистратигъ Михаилъ съ воинствомъ небеснымъ [2]).

Растерянность была общая. Причтъ Петропавловской церкви, отслуживъ раннюю обѣдню, все бросилъ въ храмѣ

[1]) По словамъ старожиловъ, имѣніе г. Давыдова было тамъ, гдѣ нынѣ лѣсной складъ Попильскаго, въ западномъ предмѣстьѣ города. Изъ дальнѣйшихъ воспоминаній мы увидимъ, что дѣйствительно у Давыдова скрывали деньги нѣкоторые горожане.

[2]) Въ первой четверти минувшаго столѣтія Михаилъ Архангелъ очень чтился въ приходѣ: икону Его всегда брали при закладкѣ и освященіи домовъ Основаніемъ для этого обычая послужилъ апокрифъ, ходившій по рукамъ „Воспоминаніе ангеловъ“ (см. „Смол. Старина“, в. I. ч. 2. стр. 194—195) Вотъ подлинныя слова апокрифа: „Если храмину будешь строить, помяни Ангела Мисаила“. Какъ извѣстно, Мисаилу Ангелу церковной службы нѣтъ. Но мои прихожане вышли изъ затрудненія, замѣнивъ Ангела Мисаила Архангеломъ Михаиломъ.

на произволъ судьбы, захвативъ съ собою лишь Св. Мvро и Св. Дары. Полковой священникъ Іоаннъ Зубовскій, выходившій изъ Смоленска съ однимъ изъ послѣднихъ полковъ (Рязанскимъ), увидѣлъ храмъ Петра и Павла объятый пламенемъ. При церкви онъ нашелъ 80-лѣтняго плачущаго старика, увѣрявшаго его, что изъ храма не вынесено ничего, что и подтвердилось. О. Зубовскій вынесъ изъ горящаго храма, что могъ; деньги передалъ старику, а утварь церковную болѣе цѣнную: 2 евангелія въ серебряныхъ окладахъ, три антиминса, три серебряныхъ вызолоченныхъ чаши, три лжицы, три звѣздицы, одинъ ковшъ для теплоты (тоже серебряные), 4 креста (изъ нихъ два серебряные), нѣсколько облаченій—взялъ съ собою и по разрѣшенію командира полка помѣстилъ въ полковой ящикъ. Въ 1813 и 1816 г.г. вещи означенныя были возвращены храму.

Окрестные священники, повидимому, не думали, что Смоленскъ будетъ взятъ французами. Въ числѣ вещей, взятыхъ о. Зубовскимъ въ 1812 году изъ Петропавловскаго храма и послѣ сюда переданныхъ, оказались вещи Ольшанскаго храма и лично принадлежавшія священнику с. Ольши [1]) Георгію Еленеву. Можно думать, что о. Георгій Еленевъ былъ сыномъ священника Петропавловской церкви Якова Еленева, и что онъ пріѣхалъ къ отцу укрыться отъ непріятеля и сдалъ и свои, и храмовыя вещи въ Петропавловскій храмъ.

Но причтъ [2]) Петропавловской церкви очень скоро вернулся къ своимъ обязанностямъ. Преданіе не сохранило извѣстій, гдѣ онъ скрывался отъ непріятеля и гдѣ совершалъ таинства и требы; но изъ документовъ церковныхъ (метрикъ) видно, что уже 11 августа онъ совершалъ крещеніе, 12—хоронилъ крестьянина дер. Рясина, 14—опять крещеніе, 17—погребеніе.

„Старики-прихожане—разсказывала мнѣ 86-лѣтняя старушка Татьяна Евстафіевна Зубова, и понынѣ здравствую-

[1]) Село Ольша—въ 12 вер. отъ Смоленска на западъ. Въ 1816 г. о. Яковъ Еленевъ былъ уже протоіереемъ.

[2]) Въ причтѣ Петропавловскомъ въ 1812 г. значатся три священника —Яковъ Еленевъ, Николай Успенскій и Левъ Полкановъ, діаконъ Симеонъ Селяниновъ, три дьячка—Павелъ Безкишкинъ, Алексѣй Савинскій и Андрей Волочковъ и пономарь Клитинъ.

щая—изъ города не уходили, а сошлись въ церковную богадѣльню; но смѣльчаки и изъ молодыхъ остались. Остался и мой дѣдъ, да поймали его французы и заставили курей ловить для себя. Надоѣло ему это, какъ-то подладился, да вечеркомъ—въ кусты, вотъ тутъ, гдѣ теперь усадьба Энгельгардта, около Ивана Богослова. Пошарили, пошарили французы, да и бросили, а дѣдъ—въ воду, да домой".

„Мой дѣдъ — разсказывалъ мнѣ Г. А. Бѣлоусовъ—жилъ на этомъ же мѣстѣ, гдѣ мы и сейчасъ живемъ. Занимался онъ мяснымъ промысломъ и остался въ 12-мъ году въ городѣ. Его французы заставляли для себя курей жарить. И нашъ домъ цѣлъ остался, и простоялъ долго: въ тотъ годъ, когда Императора убили, мы его разобрали".

„Все Петропавло въ разоренье выгорѣло,—разсказывала мнѣ старушка Ѳекла Степановна Филимонова—осталась хатка на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь винный складъ (да и то въ стѣнѣ, что къ Днѣпру, были ядра), баня Верзиныхъ [1]), да домъ Сысоевыхъ [2]). А то—все ровно, хоть шаромъ покати". —„На что же вы строились послѣ разоренья?" спрашиваю я. —„А была тутъ госпожа добрая въ Серебрянкѣ. Отецъ, бывало, снесетъ ей мозговъ изъ костей на помаду, а она ему и говоритъ: „Бери лѣсу сколько надо!" Въ другой разъ она мнѣ разказывала, что по церквамъ собирали на разоренныхъ и раздавали погорѣльцамъ [3]).

„Мой отецъ—разсказывалъ мнѣ 74-лѣтній Семенъ Григорьевичъ Мачульскій—передъ войной въ Польшѣ былъ, коляску для пастора [4]) расписывалъ (онъ живописецъ былъ). Пасторъ и говоритъ ему: „Мачульскій, оставайся у меня, у васъ война скоро будетъ!"—„Нѣтъ, говоритъ отецъ: у меня отецъ и мать въ Смоленскѣ, пойду туда". И при-

[1]) Домъ Верзиныхъ былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь товарная станція Р.-О. ж. д.

[2]) Домъ Сысоевыхъ, строителей многихъ храмовъ смоленскихъ (Авраамиевской, Воскресенской, Варваринскаго придѣла Петрапавловской церкви), и сейчасъ цѣлъ: стоитъ онъ у церкви Александра Невскаго; недавно тамъ была женская тюрьма.

[3]) Это—фактъ. По дѣламъ Смол. Епарх. Попечительства я знаю, что до послѣдняго времени какой-то игуменъ дальней обители ежегодно высылалъ Попечительству небольшую сумму „на разоренныхъ".

[4]) Мои прихожане и по сію пору не различаютъ строго ксендза съ пасторомъ.

шелъ. А тутъ скоро и разоренье началось".—„Гдѣ же ваши скрывались?" спросилъ я.—„А тутъ, въ городѣ, по уцѣлѣвшимъ домамъ скрывались."—„А вашъ домъ сгорѣлъ?"—„Французы сожгли. Придутъ, бывало, въ домъ; печей нашихъ не умѣютъ топить: накопаютъ картошекъ, да и давай на полу на заслонкѣ разводить огонь, да ее, картошку, печь; уйдутъ—домъ и закипѣлъ".

Наши деревенскіе прихожане скрывались лишь днемъ въ лѣсахъ (около дер. Синицъ, Гвоздова тожъ, въ Черномъ Бору), а ночью возвращались обратно въ дома, пекли хлѣбы, готовили кушанье, а на утро—опять въ лѣсъ. Какъ-то въ августѣ этого года я былъ приглашенъ въ деревню Дубровенку, въ 4—5 верстахъ отъ Смоленска, „на засѣвки." Теплое солнышко и перспектива выпить общественный стаканчикъ вызвали съ печи дряхлаго старика Ананію Ивановича. Онъ важно молился за молебномъ, хотя давно уже ничего не слышитъ, еще важнѣе сопровождалъ крестный ходъ по нивамъ. Онъ шелъ первымъ за сѣятелемъ, его смѣнившимъ, и, можетъ быть, вспоминалъ старые годы, когда онъ, а не юнецъ, шелъ съ общественной кошелкой, разбрасывая освященныя зерна... Идя съ поля обратно въ деревню, я подошелъ къ Ананіи Ивановичу поздороваться и спросить про его пчелъ. Вокругъ насъ стояли ребятишки. Въ рукахъ, въ подолахъ, за пазухой ихъ были орѣхи. Это напомнило Ананіи Ивановичу давнюю старину. „Вотъ, батюшка, когда французъ шелъ, было тоже много орѣховъ. На орѣхи мой дѣдъ Капитонъ и корову поймалъ. Тогда всѣ на день уходили въ Черный Боръ—непроходимый былъ боръ!—и со скотомъ и скарбомъ тамъ спасались. Выглянутъ хорошенько, нѣтъ ли француза, къ рѣкѣ скотину пригонятъ, напоятъ, да и опять въ лѣсъ. Какъ-то разъ замѣтилъ ёнъ (французъ) это дѣло; привезъ пушки, да и давай палить по лѣсу. Всѣ въ розсыпъ, а скотина вонъ изъ лѣсу, да къ рѣчкѣ. Дѣдъ мой замѣшкался, али скотину пожалѣлъ бросить, выскочилъ изъ лѣсу, да и попалъ со скотиной французамъ въ плѣнъ. Собрали они все стадо, да и погнали съ дѣдомъ въ городъ. Приставили дѣда коней пась (пасти) вонъ на томъ лугу, что мѣщане свирскіе косятъ [1]).

[1]) Около колодца Бориса и Глѣба.

Недѣлю пасетъ дѣдъ, другую—все солдатъ по́плечь (близъ, около) съ ружьемъ ходитъ. Увѣрились въ дѣдѣ, бросили одного со стадомъ, а онъ—въ рѣку, да домой. Бѣжитъ онъ по Серебрянскому лѣсу, глядь—корова полосатая, да такая добрая. Пожалѣлъ дѣдъ корову, нарвалъ орѣховъ, да и давай ее заманивать. Заманилъ, а въ рукахъ нѣтъ ничего—нечѣмъ забротать. И давай дѣдъ одной рукой хвостъ ея заматывать вокругъ дерева, а другой лычко драть. На лычкѣ и домой привелъ, да сейчасъ и закололъ. И хитеръ же былъ старикъ! Какъ же ему сберечь корову? Выкопалъ на огородѣ яму, да, посоля, и сховалъ туда говядину, а на ямѣ кострище сдѣлалъ. На день всѣ въ лѣсъ уходили, а ночью —домой. У иного и хлѣба нѣтъ, а наши кушаютъ говядину. Промысловый былъ человѣкъ! Провѣдалъ онъ, что у Давыда [1]) подъ золою въ амбарахъ деньги есть, да и давай ходить туда чуть не ежеде́нъ (ежедневно). И много натаскалъ. И я еще тѣ деньги помню. А потомъ поразнюхалъ, что гдѣ-то порохъ плохо лежитъ. И порохъ волочилъ. А какъ ушелъ французъ, такъ онъ свалилъ порохъ на двухъ коней, да во Мстиславъ, а оттуда соли привезъ".

Кажется, не одинъ Капитонъ Дубровенскій промышлялъ въ этотъ годъ воровствомъ. Крестьяне деревни Алешкова [2]) 15 авг. 1910 г. мнѣ разсказывали: „Наши отъ француза въ городской лѣсъ уходили,—вотъ въ этотъ (и разсказчикъ показалъ мнѣ на городскіе кусты, гдѣ лѣтомъ теперь стоитъ артиллерія); тогда тутъ большой лѣсъ былъ". И вспомнился мнѣ разсказъ стараго отставного смоленскаго чиновника З. Гр. Роціонова: „Не то дивно, что крупенъ лѣсъ моей хаты,—говорилъ онъ мнѣ въ 90-хъ годахъ минувшаго столѣтія – а то, что лѣсъ этотъ рубленъ подъ самымъ городомъ, немного дальше теперешнихъ лагерей". „Но были—продолжали алешковцы—и смѣльчаки: Ѳедоръ Чистякъ, да Ѳедоръ—отецъ Ивана Баркета, котораго вы же хоронили. Они крали коровъ у французовъ. Пасли они (французы) вотъ тутъ (разсказчикъ указалъ рукой на хуторъ Азанчевской—Александровское) скотину. Ѳедоръ Чистякъ да Баркетъ и поползутъ по рвамъ да по канавамъ къ стаду. Залучатъ корову, прирѣжутъ, да мясо и тащатъ

[1]) Помѣщикъ, упомянутый въ прим. 1 на стр. 403.

[2]) Верстахъ въ 3—4 отъ Смоленска на сѣверъ.

къ своимъ. Одинъ разъ и попались. Ведутъ ихъ въ городъ. Чистякъ и говоритъ Баркету: „Я уйду, утекай и ты, а то застрѣлятъ въ городѣ". Идутъ они тѣмъ мѣстомъ, гдѣ те-Донскія улицы [1]). По обаполъ—кусты, а въ кустахъ—кони дохлые. Крикнулъ Чистякъ, да въ кусты, а за нимъ и Баркетъ. Некуда дѣться—залѣзъ Баркетъ въ конскую подаль. Поискали, поискали французы, да и бросили, а онъ—домой, да до вечера—въ коноплю".

Изъ разсказа А. И. Рукавишникова видно, что и бѣдные горожане „промышляли" около французскаго скота. „Дѣдъ мой разсказывалъ,—передавалъ А. И. Рукавишниковъ—что бѣдняки—горожане не уходили, а оставались въ городѣ. Гонятъ французы скотъ на пастбище, а они отворятъ ворота, да хлѣбомъ и заманиваютъ скотину на дворъ, тамъ и прирѣжутъ. И дѣдъ оставался въ Смоленскѣ. Его французы заставили гнать скотъ отсюда въ Москву. Догналъ онъ до Соловьева Перевоза [2]), да и утекъ домой, а скотину бросилъ".

Конопля для дневного убѣжища служила не для однихъ алешковцевъ. Въ нее прятались и сторожищенскіе и карманицкіе. „Мой дѣдъ, какъ и сосѣди, днемъ сидѣлъ въ коноплѣ,—разсказывалъ мнѣ въ 1906 г. кр. дер. Сторожища [3]) Александръ Кабачекъ—французы какъ-то и поймали его, и все допытывалась, какъ варить коноплю. Да дѣдъ не сказалъ. И дивно было смотрѣть, какъ соберутъ они зеренъ конопельныхъ, положатъ въ горшокъ и варятъ. Попробуютъ послѣ варки, крѣпки –и опять варятъ. Варятъ, варятъ, а потомъ и выльютъ. А дѣда всетаки взяли въ провожатые, какъ изъ Смоленска уходили. Провелъ онъ ихъ до Полоцка и все думалъ уйти. Однажды ночью бросилъ и коней, и повозку и ушелъ. Да попался какъ-то къ разбойникамъ—много тогда разбойничало—насилу душу спасъ. А разсказала французамъ, какъ коноплю ѣсть,—баба Матрена изъ Ситниковъ".

[1]) Покойный 96-лѣтній Евфимъ Масловъ говорилъ мнѣ въ 1908 году что на его памяти на всѣхъ Донскихъ улицахъ и 7 дворовъ не было.

[2]) На старомъ большакѣ изъ Смоленска въ Москву, верстахъ въ 60 отъ города, ниже Ярцева.

[3]) Катынской волости Смол. у., верстахъ въ 4 - 5 отъ Смоленска.

Будучи въ Ситникахъ [1]), я и повелъ объ этомъ рѣчь. —„Вѣрно, батюшка, вѣрно. Но за то она и подчепила у нихъ узелокъ, да и не худой. Баба смѣлая была и въ лѣсъ не уходила. Холодно ужъ было. Пришли къ ней французы въ хату погрѣться, а съ ними все мѣшечки кожаные. Баба Матрена какъ-то и залови одинъ мѣшечекъ, да на дворъ подъ солому его. Хватились они, погрѣвшись,—нѣтъ одного мѣшечка! А баба говоритъ: „И знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю!“ Побрехались, побрехались, да и пошли. А мы съ тѣхъ поръ и пошли по-людски жить: извозомъ занялись. Вотъ чугунки все дѣло попортили“. (Разсказъ Захарія Трофимова изъ Ситниковъ).

Какъ-то въ началѣ зимы 1911 года я ѣхалъ съ кр. дер. Новоселокъ [2]) Алексѣемъ Ивановичемъ. Чтобы вызвать спутника на воспоминанія, я началъ ему разсказывать о 12-мъ годѣ. И цѣли я достигъ. „Мнѣ разсказывалъ дѣдъ моей жены (онъ большой былъ въ разоренье), что наша сила стояла у Катова озера, а онъ, французъ, шелъ по Краснинской дорогѣ. Разошлись, значитъ. А какъ пришла наша сила къ Сторожанскому озеру, да стали коней поить, да въ манерки воду черпать, такъ мельница перестала молоть... На Спаса наши пошли въ городъ. Подходятъ, а тутъ пальба. Сѣли они на пригоркѣ противъ Свирской церкви на правой сторонѣ Днѣпра и смотрятъ. А онъ, какъ туча, ко Свирской спускается... Подскочили къ нашимъ казаки: „Уходи скорѣй съ мѣста—по васъ стрѣляютъ!“ Только наши соскочили, бухъ на ихъ мѣсто ядро: ажъ землю подняло! А наши кустами да лѣсомъ домой... Прятались и наши. Да какъ-то приходитъ дѣдъ домой—берно изъ окошка торчитъ. Вошелъ въ хату—другой конецъ берна въ печкѣ горитъ. Это онъ, французъ, такъ хату топилъ. Послѣ этого дѣдъ дома и оставался, чтобъ хату не спалили. Людей не трогали, а все „ко́ровъ! ко́ровъ!“ спрашивали. „Нѣтъ—говоритъ дѣдъ—ко́ровъ!“ Походятъ, походятъ, да и уйдутъ. А бабъ и скотину изъ опаски на день въ лѣсъ загоняли“ [3]).

[1]) Ситники—ближайшая къ городу деревня изъ сѣверо-западныхъ (1—1½ версты).

[2]) Новоселки—деревня Катынской волости, вер. въ 7—8 отъ Смоленска на западъ.

[3]) Дѣдъ разсказчика былъ полѣсовщикомъ Рачинскихъ, и жилъ въ д. Синицахъ, Гвоздово тожъ, верстахъ въ 10 на западъ отъ Смоленска.

Я былъ вызванъ напутствовать одну женщину изъ деревни Себелева, Селибы тожъ [1]). Везъ меня мужъ больной. Живутъ они съ женою ладно. „Помретъ, батюшка, хозяйка, безпремѣнно помретъ!"—говорилъ онъ мнѣ дорогою.—„Да почему же ты знаешь?" спрашивалъ я.—„А хата кряхтитъ въ святомъ углѣ, это ужъ вѣрная примѣта. Какъ дѣдъ помиралъ, то же было". Я объяснилъ ему, почему кряхтитъ хата. Но это не помогло. Чтобы отвлечь его вниманіе отъ грустныхъ думъ, я началъ спрашивать его о старинѣ, о дѣдахъ его. Оживился мой спутникъ. „Моя баба здоровая была женщина. Придутъ, бывало, французы и давай съ ней бороться. Ни одному не уступала, такъ на обой лопатки и уложитъ". Впрочемъ, не всегда была такая идиллія. „Мы на полѣ нашемъ много находимъ костей человѣческихъ",—говорилъ мнѣ кр. дер. Карманичъ [2]). „Говорятъ, во время француза наши охотились за ними. Убьютъ, оберутъ, да тутъ же и закопаютъ".

Верстахъ въ 25—30 отъ Смоленска совсѣмъ было тихо. Какъ-то я спрашиваю моего новаго прихожанина, хуторянина Евстафія Михайловича Николаенкова: „Откуда вы родомъ?"—„Изъ Поповой Пустоши—Болдырей, Верховской волости, Порѣчскаго уѣзда".—„Купили тамъ землю?"—„Нѣтъ, тамъ еще мой пращуръ сѣлъ. Было тогда просто: сколько земли обошелъ, столько и твоя. Былъ онъ человѣкъ сильный (разумѣется семьею), обошелъ 150 десятинъ и сѣлъ. И все свое было: и лыко, и хлѣбъ, и лѣсъ, и сѣно. Когда французъ шелъ, мы уже большимъ дворомъ жили: было 4 амбара, 2 закрома хлѣба, скотины полный дворъ. Баба моя была умная: какъ, бывало, идутъ (къ намъ немного заходило, жили въ сторонѣ отъ дороги), она амбары и растворитъ настежь. Ну, въ открытый и не идутъ; а если затворенъ—разобьютъ. Только муку брали, а жито повертятъ въ рукахъ, да и бросятъ. Сѣно казаки побрали. А народъ не трогали. Если увидятъ малаго ребенка, по головѣ погладятъ...".

Передъ выходомъ изъ Смоленска французы ужасно бѣдствовали. „У насъ—говорилъ мнѣ покойный Георгій Захаровичъ Зубовъ со словъ дѣда—французы весь клей поѣли.

[1]) Владимирской волости, верстахъ въ 6—7 на сѣверъ отъ Смоленска.

[2]) Карманичи—деревня верстахъ въ 4 отъ Смоленска на сѣверо-западъ.

Вѣрно, думали, что это стюдень“ 1). „Близъ Богословской церкви всѣ дворы, огороды были завалены трупами“, говорила мнѣ внучка Богословскаго священника, современника событій. „Многіе съ ума сходили. Иной залѣзетъ въ конскую падаль и грызетъ. Собакъ ѣли. А сколько добра съ Москвы несли: шелку, бархату! За грошъ, за кусокъ хлѣба продавали. А наши ихъ били. А вѣдь грѣхъ: не по доброй охотѣ шли. Вотъ у Плешка 2) заманили на дворъ такого, да и убили. И долго на томъ мѣстѣ по ночамъ свѣчка горѣла. Догадались—панихиду отслужили, и перестала являться“. (Разсказъ Семена Григорьевича Мачульскаго).

Просматривая свои старыя записныя книжки, я нашелъ кое-что изъ воспоминаній и не моихъ прихожанъ. Приведу два—три разсказа. „Оставался въ 12-мъ году—разсказывала мнѣ вдова священника П. М., жившая въ Покровскомъ приходѣ г. Смоленска—и нашъ дьячекъ. Росту онъ былъ огромнаго, силы неимовѣрной. Такъ на немъ французы все катались. Придутъ, вытащатъ его изъ хаты, покажутъ, что надо ему присѣсть. Присядетъ Гурмакъ (такъ его народъ звалъ), а сухопарый французъ вскочитъ на плечи и кричитъ: „алѐ, попъ!“ Ну, и катаетъ, пока не заморится. А денегъ и имущества церковнаго не указалъ, хоть и мучили“.

Среди Смоленскаго градскаго духовенства сохранился разсказъ о священникѣ той же градской Покровской церкви. Фамилію его и имя преданіе забыло... „Священникъ Покровской церкви не оставлялъ города“,—разсказывала мнѣ внучка одного современника событій, А. И. К. „Былъ онъ изъ веселыхъ и подшафѐ выкидывалъ такія колѣнца, что и не знали, куда его сопричислить. Узналъ онъ отъ кого-то, что Наполеонъ въ извѣстный день будетъ въ Соборѣ; и, будучи уже на второмъ взводѣ, пробрался туда раньше Императора, облачился въ архіерейскія одежды и ждетъ. Но Наполеонъ тоже былъ не изъ плохихъ. Какъ вошелъ, такъ и узналъ, кто это: „Волкъ въ овечьей шкурѣ“,—сказалъ Императоръ и вышелъ. Бывало, какъ соберутся священники въ 40—50 годахъ да заговорятъ о 12-мъ годѣ, такъ

1) Въ одной изъ стадій производства клей, налитый въ корыта, очень напоминаетъ студень.

2) Домъ Плешко (Янченковыхъ) былъ на мѣстѣ бетоннаго завода П. А. Шарскаго, въ Воронковомъ переулкѣ.

сейчасъ и помянутъ Покровскаго, какъ онъ Императора встрѣчалъ: „А, это тотъ, что Наполеона въ архіерейскихъ ризахъ встрѣчалъ!“

Извѣстный Смоленскій землевладѣлецъ Александръ Васильевичъ Рачинскій говорилъ мнѣ, что въ его семейномъ архивѣ (въ с. Хохловѣ Смол. у.) есть часть писемъ, относящихся къ 1812 году. Между прочимъ, дѣдъ А. В. Рачинскаго писалъ своему брату, жившему въ другомъ имѣніи, что онъ уже вернулся въ Хохлово, созываетъ разбѣжавшихся крестьянъ. „Насталъ сезонъ свадебъ, а причтъ въ бѣгахъ. Находясь въ крайней нуждѣ, самъ вѣнчаю: призову молодыхъ, благословлю и говорю: „Живите съ Богомъ! Попъ пріѣдетъ—довѣнчаетъ“.

Было бы нелишнимъ собрать всѣ смоленскія преданія о 1812 годѣ. Иногда преданіе очень мѣтко характеризуетъ если не событіе, то нравы извѣстнаго времени.

Декабрь 1911 г.

Священникъ ***П. Цвѣтковъ.***